

Не только советское: «Зияющие высоты» Александра Зиновьева в оптике исследований правительности

АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ

Институт философии РАН, Москва, Россия, topisarev@gmail.com.

Ключевые слова: управление; правительность; гвернаментальность; советская философия; практическая философия.

Статья посвящена прочтению раннего антиутопического романа Александра Зиновьева «Зияющие высоты» (1976) в оптике постфукианских исследований правительности (*Governmentality Studies*). Предварительно реконструируется социальная онтология романа: противостояние эгоистических социальных законов (социальности) и антисоциальности, основанной на моральном усилии индивидов сдерживать социальность. Это противостояние особенно остро в «мас-совом обществе», поэтому подход Зиновьева критически настроен к любому современному обществу. Место полной победы социальности — циническое общество Ибанска, места действия романа, а ибанский режим — его продолжение. Очерчиваются особенности подхода к власти в романе, обусловившие обращение к оптике исследований правительности. Раскрываются основные черты этой оптики и управления как руководства поведением. Приводятся аргументы в пользу того, что ибанская правительность может иметь отношение не только к советскому обществу, но и к иным обществам в прошлом и настоящем. Поэтому

ее изучение может стать вкладом в исследование исторической онтологии нас самих.

Далее дается предварительный набросок устройства ибанской правительности с опорой на эссе Юна Эльстера о роли логических ловушек в устройстве ибанского режима. Обсуждаются основные диспозиции власти и их следствия, например, патологическая неэффективность, имитация работы, порочный круг недоверия. Разбираются конкретные техники управления, такие как донос, собрание, делегированное замалчивание, воспроизводимая властью модель субъекта как «посредственности». Все они основаны на признании автономии и использовании внутренних процессов общества, обусловленных действием социальности. С антисоциальностью связана возможность контрповедения, но для этого необходимо коллективное самопознание, инструментом которого и мыслил свой роман Зиновьев. В заключение намечается линия возможного исследования ибанской правительности как иронической критики позднесоветского внедрения кибернетики в управление.

РОМАН «Зияющие высоты» (1976) советского логика и писателя Александра Зиновьева сегодня отнесли бы к *theory fiction*, да и сам он называл его «социологическим романом» и «научной фантастикой». Составляющая *fiction* ясна, здесь мало событий и художественных описаний, но много иронии, сарказмов и языковой эквилибристики: все постоянно говорят, спорят или пишут. Составляющая *theory* уже проблематична, поскольку теоретические высказывания разбросаны по книге и тезисны, аргументации мало, и только некоторые персонажи выражают идеи или размышления автора. Можно говорить скорее о специфической наблюдательности вкупе с использованием логических парадоксов или ловушек, чем о большой социологической теории, социальной или политической философии или же эмпирическом социологическом исследовании. Норвежский социолог и политический философ Юн Эльстер не зря назвал Зиновьева «логиком по профессии, романистом и социологом — по призванию»¹. «По призванию» — потому что, претендуя на вклад в исследование общества, он не работал в рамках научной парадигмы, принятой в тот период в социологии, почти не ссылаясь на работы профессиональных социологов и философов².

1. *Elster J. Active and Passive Negation: An Essay in Ibansean Sociology // The Invented Reality: How Do We Know What We Believe We Know? (Contributions to Constructivism) / P. Watzlawick (ed.). N.Y.: W. W. Norton, 1984. P. 175.*
2. См., напр.: *Кирквуд М. Идеология в произведениях А. А. Зиновьева // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 297; Hosking G. Moralism Versus Science // Alexander Zinoviev as Writer and Thinker: An Assessment // P. Hanson, M. Kirkwood (eds). Houndmills; L.: The Macmillan Press, 1988. P. 173–178; Kirkwood M. Alexander Zinoviev: Seer or Scientist? // Ideology in Russian Literature / R. Freeborn, J. Grayson (eds). L.: Palgrave Macmillan, 1990. P. 174.* Эта черта стиля работы Зиновьева хорошо видна по проекту логической социологии. Как правило, он не дискутирует напрямую с конкретной социологической традицией или авторами (и едва цитирует их), а критикует социологию в целом и извне, применяя к ней предположительно универсальную модель научности и требуя, чтобы социология поднялась с дологического на «научный (логический)» уровень. Собственный же проект он строит, сочетая в нем естественнонаучные идеалы научной объективности и эмпиризма, органицизм и диалектику, см.: *Зиновьев А. А.*

Сам Зиновьев отчетливо понимал, что к профессиональному и технически сложному социологическому исследованию его роман не имеет отношения, но претензию на научность сохранял. В его подходе общество «изучается по всем правилам науки, но лишь в той мере, в какой это доступно исследователю-одиночке». Это «научный стиль образного мышления», отличающийся от науки, но дающий «более или менее верную картину», «твердую ориентацию... в происходящем потоке жизни», «общие черты явлений». Такой тип письма Зиновьев, допуская, что является его изобретателем, назвал «научной фантастикой» в том смысле, что это литературно-художественный способ выразить «правду о действительности», добытую научными, прежде всего логическими, методами³.

В основе «Зияющих высот», таким образом, лежит скорее специфическая техника и позиция наблюдения, опосредованный логикой способ видения, чем большая теория, и этим он интересен. Зиновьев строит антиутопию, опираясь на личный опыт жизни в СССР. Это «абсурд реальности, а не вымысла» (231)⁴. Логические парадоксы и ошибки во многом стали каркасом ибанской действительности, поэтому в дальнейшем при ее обсуждении я обращаюсь к проделанному Эльстером анализу логической подоплеку этой действительности. В романе очень многое происходит в языке и через языковые акты, в каком-то отношении это предельная — и морочная — реальность Ибанска (места действия романа), сконструированного профессиональным логиком. Михаил Эпштейн отмечает, что «весь философский проект [Зиновьева] состоит в анализе искусственного и концептуального характера реальности»⁵.

В центре внимания автора «Зияющих высот» — со-конституирование общества и власти, их симбиотические отношения

Логическая социология. М.: Социум, 2002. Сжатое изложение представлений о научном подходе см.: *Он же*. Состояние социальных исследований // Феномен Зиновьева. С. 200–204. О противоречиях сциентизма Зиновьева см. краткую статью Джеффри Хоскинга, упомянутую выше.

3. См.: *Он же*. О «Зияющих высотах» (Выступление по «Радио Свобода») // *Он же*. Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 21–23.
4. *Он же*. Зияющие высоты. Lausanne: L'Age d'Homme, 1976. С. 231. Далее по тексту страницы романа даются в скобках.
5. *Epstein M.* Postmodernist Thought of the Late Soviet Period: Three Profiles // *Studies in East European Thought*. 2021. Vol. 73. № 3. Р. 481. В том числе поэтому Эпштейн относит по крайней мере некоторые ранние произведения Зиновьева к постмодернистской литературе и считает версией советского концептуализма.

во всех сферах, в особенности техники управления повседневным поведением индивидов. Это располагает к тому, чтобы проанализировать ибанский режим с помощью оптики исследований правительности. Сначала я очерчу представления Зиновьева о социальной онтологии. Они служат ему универсальной объяснительной схемой при конструировании общества и режима власти в городе Ибанске. Затем опишу особенности его видения власти, изложу основные тезисы подхода исследований правительности и проанализирую ибанскую власть как отдельный тип правительности.

Социальная онтология Ибанска

Социальная онтология Зиновьева сводится к онтологии индивидов, взаимодействия которых составляют общество и понимаются через сконструированную им концептуальную схему гностического противостояния квазиестественной «социальности» и неестественной «антисоциальности». Социальность заключается в универсальных «социальных законах Бытия»⁶, которые соответствуют исторически сложившейся «природе человека и групп людей (естественны)» (38) и не зависят от институтов.

Социальные законы суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т. д. (38, см. также 428).

Социальность способствует атомизации, замыканию индивидов на личных интересах и диссоциации большинства проявлений общего. Такие законы не аморальны, а неморальны (Зиновьев считал настоящим злом именно отсутствие морали, «нравственность с обратным знаком», а не аморальность, остающуюся

6. Зиновьев придерживался прагматического взгляда на закон. Закон как высказывание истинен в определенных условиях, но в реальности эти условия никогда не реализуются полностью и в точности. Поэтому он не открывается, а изобретается, чтобы из имеющихся суждений выводить новые, в том числе прогнозирующие. Закон не верифицируется, а может только хорошо или плохо выполнять эту функцию (27).

в рамках нравственных оценок (279)). Они «отвратительны», это «грязные ничтожества». Однако сама «природа» людей не плоха и не хороша: человек есть возможность чего угодно, «болванка». Дурным его делает общество (103). Люди считают постыдным и скрывают, когда следуют социальным законам, испытывают психологические конфликты и духовные драмы (39). Вероятно, «естественны» законы только в том смысле, что следование им легко и ничего не требует, если нет внутреннего усилия сопротивляться им и стремиться к противоположному, потому наиболее «социальны» люди, оставшиеся в изначальном состоянии бытия-любим: без внутренней структуры, расположенные ко всему и способные на все (67, 74). Социальность — это внешние правила поведения, для выполнения которых неважно, что «внутри» (67, 74).

Антисоциальность — это *усилия* людей сопротивляться социальным законам и обществу, поэтому она сопряжена с усложнением внутреннего устройства и возможна только в исключительных условиях. Это «духовная жизнь», предполагающая независимость и моральную ответственность перед собой (262). Моральность является результатом исторического усилия и строительства институтов моральной оценки и гласности, так как «социальным законом является тенденция к неморальным (в смысле — несовестным) поступкам» (540, см. также 558). Речь идет не о какой бы то ни было традиционной морали или о новом исчерпывающем и фиксированном наборе ценностей, а о рефлексивно-практической этической установке, ориентированной на ответственность и открытость к интересам и нуждам других, на общее.

Вся история — драма борьбы между неморальной социальностью и моральной антисоциальностью, обостренная в современности переходом к массовости. Этот переход, по Зиновьеву, главная проблема современности, о чем он часто напоминает (23, 142, 162, 276, 280, 420, 540), поскольку массовость неизбежно укрепляет социальные законы и ослабляет антисоциальные силы. Количество индивидов, по его мнению, переходит в нежелательное качество, отсюда его пиетет перед одиночками и подозрение к объединениям.

Прогресс общества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие социальных законов. Мораль, право, искусство, религия, пресса, гласность, публичность, общественное мнение и т. п. изобретались людьми в значительной мере (но не полностью, конечно) как средства такого рода. И хотя они, стано-

ваясь массовыми организациями людей, сами подпадали под действие социальных законов, они так или иначе выполняли и выполняют (там, где они есть) антисоциальную роль. Социальный прогресс общества был прежде всего прогрессом антисоциальности. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения морали, религии, права, обычаев и т. п. (38).

В «Зияющих высотах» Зиновьев использует эту оппозиция как универсальную объяснительную схему практически любых явлений. Обычно природа любит скрываться, но не в этом случае. Зиновьев вполне по-позитивистски доверял своему социальному опыту, его в основном и опрашивал. Обнаруженному в нем придался статус социальных законов, которых не смогли увидеть профессиональные социологи.

С чисто познавательной точки зрения общество есть наиболее легкое для изучения явление, а законы общества примитивны и общедоступны. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна, ибо люди живут в обществе по этим законам и по необходимости осознают их. <...> Социальные законы всегда на виду, и здесь бессмысленно ожидать открытий вроде открытия микрочастиц, хромосом и т. п. Открытием здесь может быть лишь фиксирование очевидного и известного в некоторой системе понятий и утверждений (38–39).

Единственная эпистемологическая трудность носит моральный характер — показать, сколь тривиальны и «отвратительны» социальные законы. Зиновьев считал, что при помощи логики, являющейся средством антисоциальности (73), разоблачает эти законы, поэтому свои социологические романы считал вкладом не только в социальное познание, но и в борьбу со злом социальности (отсюда морализаторство, пронизывающее роман и, считает Джеффри Хоскинг, ставящее под вопрос претензию на научность, по крайней мере в том виде, в каком ее формулировал сам Зиновьев).

«Человечность» конкретного общества зависит от того, сумеет ли население развить институты, противостоящие социальности. Там, где это совсем не удается сделать, складывается

... тип общества, в котором будет процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий и т. п. (40).

Это циническое общество, в котором лучшее будущее возможно только как личное, а не общее, поэтому оно находится в «структурной ситуации бесполезности и безнадежности перемен» или же их имитации, а моральные нормы и работоспособные институты избыточны⁷. «Будущее не исправляет прошлого. Самое лучшее, на что оно способно, это — стать приличным прошлым» (301). Таким обществом является ибанское.

В условиях «массового общества» человечество априори находится в ситуации близкого проигрыша — борьба с социальностью непрерывна. Поэтому подход Зиновьева предполагает критическую настроенность по отношению к любому обществу и режиму. Конструирование Ибанска — философский мысленный эксперимент, поскольку ибанское общество — предельная ситуация тотального (прежде всего антропологического) проигрыша в борьбе с социальностью, из которой автор стремится вывести все возможные следствия.

Повседневность зла

Зиновьев подчеркивает «нормальность» ибанского режима и свойственных ему бюрократизации, насилия и лжи. Он не был результатом извращения, разрушения или узурпации власти, нарушения или разложения законов морали и права. Он сложился «естественным образом по законам этого общества» (402, см. также 40, 177, 342, 401) как их продолжение и укрепление.

Руководство не только не стремится их ограничить, но стремится их всемерно поощрить, ибо само оно — наиболее концентрированный продукт этих законов (105, см. также 403).

Режим нормален и в том смысле, что может существовать неопределенно долго.

С точки зрения автора, сутью ибанского режима является *повседневность*, а вовсе не ее «самое гнусное и ужасное проявление» — система репрессий. Повседневность конституирует ибанскую власть и одновременно формируется ею. Потому

... власти инстинктивно чувствуют, что гораздо большую опасность для них представляют не книги о концлагерях, а книги о закономерностях наших светлых праздничных будней (337).

7. Герасимов И. День рождения цинического разума // Ab Imperio. 2021. № 3. С. 50, 56.

Это то, что лежит на поверхности, наиболее очевидно и потому невидимо для внешних наблюдателей.

Наши самые страшные драмы разыгрываются у всех на виду. Это наша обыденная жизнь. Любое собрание. Любое заседание. Любая речь. Любая газета. Смотрите. Читайте. Слушайте. Это и есть наша реальная жизнь, а не маскировка и обман. Обмана нет. Обманываетесь вы сами по своей доброй воле. Вы видите то, что хотите видеть, ибо всему придаете какой-то смысл. А смысла никакого нет. <...> А если и есть у нас интригующие вас подземелья, то происходящее там столь же обыденно и серо, как наши очередные собрания. Мы отбываем номер. Везде и всегда. Положено, и все тут. Ничего за кулисами у нас нет, ибо у нас нет кулис. Мы сами все за кулисами. А зрителей мы стараемся ликвидировать, чтобы они не заметили, кто мы на самом деле. Ужас нашего бытия — в грандиозных масштабах и безысходности пустяка (328).

Репрессии и лагеря — следствие не только политического произвола, но прежде всего устройства повседневности (437, 337–338), то есть, рутинного существования симбиоза общества и власти в Ибанске. В ней — источник «зла», которое здесь вездесуще, нормально и банально (Зиновьев настойчиво называет ибанскую действительность злом). «Что происходит? Ничего особенного. Идет до ужаса нормальная жизнь» (232). В духе Левинаса Зиновьев обнаруживает зло прежде всего не в небытии, негативности или смерти, а в области позитивности и очевидности безличного бытия — ужасна не ночь, ужасен день. Единичное проявление ибанской власти в любом «пустяке» может выглядеть как фарс, абсурд или невероятное недоразумение, но «регулярно повторяющийся фарс и есть трагедия» (320).

В романе ибанский режим предстает как рассеянная и разнородная сеть акторов и инстанций, не сводимая к единой воле государства.

Руководство страной не есть однородная и монолитная группа. <...> Это — множество лиц, разбросанных по разным группам, множество специальных групп, объединения лиц и групп, устанавливающие связи лиц управляющей системы (198).

Но в центре внимания не система, а рутинные, регулярные способы управления людьми в разных сферах жизни от науки и творчества (они интересуют Зиновьева в первую очередь) до потребления, семьи и смерти. Словом, то, как власть в Ибанске функ-

ционирует, а не чем она является, и как она определяет действия и мотивы людей. Подчеркивается, что это власть над душами, ведь борьба за режим у его истоков была борьбой

... за дальнейший способ жизни. <...> Она проходила через души людей, через семьи, через города и деревни... Во многих планах и сечениях (401).

Ибанская власть претендует на руководство всеми сферами жизни вплоть до погоды и биологической природы человека (330). Потому

... жители Ибанска не живут в том пошлом устарелом смысле, в каком доживают последние дни там у них, а осуществляют исторические мероприятия. Они осуществляют эти мероприятия даже тогда, когда о них ничего не знают и в них не участвуют. И даже тогда, когда мероприятия вообще не проводятся (9).

Ибанцы управляются не только в моменте — они всегда уже сформированы властью по определенной модели.

«Зияющие высоты» обычно прочитывают в оптике традиционных подходов к власти, в центре которых вопросы государства, насилия и идеологии. Я предполагаю, что, специфика подхода Зиновьева к власти склоняет к тому, чтобы обратиться при его обсуждении к исследованиям правительности. Действительно, принятая в этих исследованиях рамка близка к зиновьевской своим вниманием к рутинным техникам управления, сопряженному с ними мышлению и к формированию индивидов в качестве управляемых. В этой статье я намечу возможные линии анализа «Зияющих высот» как документа квазифантастической правительности.

Исследования правительности

Идея правительности была сформулирована Мишелем Фуко примерно в те же годы, когда создавался и был опубликован роман Зиновьева⁸. Позднее из них выросло самостоятельное поле — ис-

8. С разработкой этой идеи связывают два лекционных курса Фуко в Коллеж де Франс — «Безопасность, территория, население» (1977–1978) и «Рождение биополитики» (1978–1979). Однако опубликованы они были гораздо позднее, в 2004 году. До того, начиная с 1979 года, многократно публиковалась и переводилась только одна из лекций первого курса, в которой вводилась идея правительности. Роман «Зияющие высоты» был написан

следования правительности (*Governmentality Studies*)⁹. Они составляют альтернативу традиционным подходам к анализу власти, ориентирующимся на вопросы о природе и источниках легитимности власти, о государстве как ее монопольной инстанции и насилии как основе. Вкратце, в центре внимания этих исследований находятся техники и практики управления поведением индивидов и групп в сочетании с концептуализациями этого управления в разных формах знания.

Управление — это любая более или менее рассчитанная и рациональная деятельность, предпринимаемая множеством властей и агентов и использующая разнообразные инструменты и формы знания. Ее задача — формировать поведение, работая с желаниями, устремлениями, интересами и убеждениями различных акторов ради определенных, но подвижных целей и с множеством относительно непредсказуемых последствий, эффектов и результатов¹⁰.

Во-первых, акцент в этом подходе ставится на практиках и отношениях власти, поэтому основным является вопрос о том, как работает управление. Это предполагает обращение к исторически конкретным ситуациям и формам управления. Особенность подхода (характерная и для оптики Зиновьева) состоит в его

...способности отказаться от постулирования большой и нормативной теории и политической философии и не стать при этом только лишь техникой подробного эмпирического описания¹¹.

Во-вторых, — и эта черта наиболее ярко выражена в либеральной правительности — управление реализуется не через насилие, ко-

в 1974–1975 годах, опубликован в 1976 году, французский перевод вышел в 1977-м, английский — в 1979-м.

9. В переводах на русский язык есть более десятка вариантов передачи *gouvernementalité/governmentality*. Среди них относительно удовлетворительными и закрепившимися являются «правительность» и «гouvernementальность». Здесь я использую преимущественно первый вариант.
10. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А. А. Писарева, под ред. С. М. Гавриленко. М.: Издательский дом «Дело», 2016. С. 73. См. также: Бикбов А. За порогом новой эры правления // Дин М. Указ. соч. С. 7–32; Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité, Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 179–220.
11. Дин М. Указ. соч. С. 48.

гда А навязывает волю Б, то есть, объективирует его, а через свободу, предполагая на другом конце отношения власти *субъекта*.

Свободы и способности управляемых суть механизмы, посредством которых действует искусство управления как всесторонний менеджмент гражданского общества¹².

Общество таким образом получает признание в качестве обладающего собственной логикой, природой, а не просто пассивного субстрата для властного формирования. Это предполагает сокращение избыточности управления, регламентации и вмешательств, поскольку можно использовать внутренние процессы общества. Кроме того, в этом подходе исследуется возможность ответов и контрповедения как сопротивления власти со стороны управляемых индивидов. Другими словами, управление — руководство объективными и субъективными возможностями действовать, то есть, структурирование поля возможных действий индивидов.

В-третьих, из этого вытекает ориентация управления на более длительные циклы — оно не только регулирует текущее поведение, реагирует на ситуации, но и формирует программы поведения на долгий срок — новые субъективности, предполагающие самостоятельное поведение и способность нести ответственность. В управлении сильна моральная составляющая, потому что оно предполагает знание о том, в чем состоит должное, добродетельное или ответственное поведение. Управление производит управляемых в качестве граждан, информированных потребителей, детей, (пред)пенсионеров, матерей, сообществ, коллективов и т. д. Другими словами, управление стратегически формирует управляемых индивидов, которые склонны выбирать то, что соответствует государственному интересу. Оно действует через убеждение, а не введение в заблуждение, которое можно было бы разоблачить.

В-четвертых, анализ техник управления сопровождается изучением сопряженной с ними рациональности как систематического и эксплицитного мышления об управлении, выражаемого в предписаниях, инструкциях, программах, научной, педагогической, духовной и иной литературе. Это мышление опирается на многочисленные формы знания об индивидах, населении

12. Там же. С. 155.

и в целом о том, каковы вещи в действительности или какими они должны быть.

В-пятых, признание автономности процессов общества означает, что управление внедрено в разнообразные социальные отношения и институты, во множество сфер повседневной жизни, далеких от конвенционально политических процессов и областей: образование, физическое и психологическое здоровье и медицина, производство товаров массового потребления, жилищное строительство, градостроительство, налогообложение, страхование, стандартизация, управление знанием, трудовой рынок и т. д. Таким образом, исследователя правительности может интересовать регулирование чего угодно от промышленности до благоустройства, но только в той мере, в какой управление ими включает в себя попытку рационально формировать поведение индивидов или групп.

Правительность предполагает арсенал инстанций управления, например, органы полицейского государства, институты всеобщего образования и социального обеспечения, экономическая и психологическая экспертиза, самоуправляемые профессиональные структуры, страховые организации и т. д. Это местные, региональные, глобальные, а также коммерческие, государственные и благотворительные инстанции. Действуя через них, формируя субъективности, мотивацию и самоконтроль индивидов, власть рассеивается и становится менее осязаемой.

Наконец, в-шестых, правительность не является монолитным арсеналом техник и рациональности — скорее речь идет о частично связанном внутри себя множестве, парадигме, а не цельной политической философии, идеологии или мировоззрении. Элементы правительности могут наследоваться или перениматься политическими режимами. Внутри последних может наблюдаться *разнородная* множественность — элементы разных правительностей, биополитики как управления условиями жизни населения, а также суверенитета¹³. Исток исторически множественен и гетерогенен в противовес метафизическому мифу о едином происхождении. Например, Александр Бикбов отмечает, что в послевоенные десятилетия происходил весьма интенсивный международный трансфер техник управления, ориентированных на достижение экономической эффективности, рыночную мо-

13. По Фуко, государство эпистемически и онтологически производно от правительности, а не наоборот, то есть первична множественность практик управления, а не единичность государства.

тивацию и снижение издержек силового контроля за населением, и следы этого трансфера можно обнаружить в СССР¹⁴. Митчелл Дин показывает, что в недрах либерально-демократических государств есть не только (нео)либеральные техники управления, но и элементы авторитарной правительности¹⁵. Другой случай — Россия последнего десятилетия, где за фасадом неотрадиционалистской риторики обнаруживаются современные неолиберальные техники управления, особенно распространенные в социальной и культурной сферах и мало чем отличающиеся от таковых во всем мире¹⁶. Словом, на уровне правительности затруднительно говорить о герметичных и даже несоизмеримых политических мирах. Перенос техник и рациональностей управления обеспечивает частичную общность политического опыта разных обществ¹⁷.

Между ибанским и советским

Вопреки Фуко, считавшему, что социализм не изобрел собственного набора техник управления¹⁸, вполне возможно говорить о советской правительности¹⁹. Есть соблазн в качестве ее гротескной и антиутопической версии представить ибанскую правительность. Это понятный ход, ведь при создании романа Зиновьев опирался на опыт жизни в советской действительности, вроде бы имел в виду именно ее. Тем более и читается текст обычно как сатира на советское общество и режим, как документ *ушедшей* эпохи. Однако есть ряд соображений, проблематизирующих легкость такого перехода.

14. Бикбов А. Указ. соч. С. 15. См. также: *Он же*. Новые культурные институции: эскиз прошедшего будущего // Художественный журнал. 2021. № 117. С. 14–25; *Он же*. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ИД ВШЭ, 2014.
15. Дин М. Указ. соч. С. 55, 325–360.
16. См.: Бикбов А. Культурная политика неолиберализма // Художественный журнал. 2011. № 83. С. 40–52; Будрайтскис И. Мир который придумал Хантингтон и в котором живем все мы. Парадоксы консервативного поворота в России. М.: Циолковский, 2020.
17. Бикбов А. За порогом новой эры правления. С. 8
18. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 120.
19. О гипотезе позднесоветской правительности см.: Бикбов А. За порогом новой эры правления. С. 15–22; Кобылин И. «Выжидать и лавировать», или кибернетическая правительность в консервативном стиле // Stasis. 2020. № 2. С. 77–101.

Во-первых, речь в статье пойдет о техниках управления Ибанска, вымышленного города в вымышленном мире — они не трансисторичны и не внеисторичны, но их связь с исторической локальностью вовсе не самоочевидна. Историю имеет то, что послужило прототипом при их конструировании. Выяснение неизбежно разнородного круга таких источников с учетом актуальных исследований теории и практики советского управления и истории науки, интеллектуальной и читательской траекторий Зиновьева — отдельная задача по контекстуализации. Данная статья посвящена только анализу техник управления в романе.

Во-вторых, можно осторожно предположить, что техники ибанской правительности, хотя и проблематичным образом связанные с советской действительностью, вовсе не ограничиваются ею. Их прототипы подобно техникам и элементам других правительностей могут иметь траектории, пролегающие через разные общества прошлого и настоящего. Например, в позднесоветской правительности обнаруживают заимствованные элементы кибернетической и либеральной правительностей, в свою очередь сама она могла частично наследоваться и распространяться. Практики управления и стили мышления могут путешествовать. Поэтому связывание ибанской правительности только с советской правительностью и советским режимом было бы поспешно и неоправданно ограничило географию и временной период возможного существования ее прототипов.

В-третьих, от отождествления ибанской действительности с советской²⁰ предостерегал сам Зиновьев, хотя и на иных основаниях. В интервью «Радио Свобода»²¹ после выхода книги, он убеждал, что читать роман можно и не держа в уме советское общество²².

Все упомянутые ситуации я на самом деле выдумал. Я выдумывал даже тогда, когда как будто бы были аналоги в жизни. Я лишь опирался психологически на эти аналоги, да и то лишь иногда, а в языковом отношении заново изобретал даже факты прошлого²³.

20. Так делает даже наиболее обстоятельный комментатор работ Зиновьева Майкл Кирквуд. См.: *Кирквуд М.* Указ. соч.

21. Организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.

22. *Зиновьев А.* Указ соч. С. 16.

23. Там же. С. 22.

Ибанск, по его словам, выдуман им

... прежде всего как средство представить результаты своих исследований советского общества в качестве результатов, имеющих силу в той или иной мере *для любого достаточно большого и развитого современного человеческого коллектива*²⁴.

Залог этой расширенной актуальности ибанских практик в оптике Зиновьева — трансисторическое противостояние социальных законов и сдерживающих их антисоциальных форм²⁵.

В исследованиях правительности, подозрительно настроенных к претензиям на универсальность и трансисторичность, тематизируется сложность исторически локальных пересечений, заимствований и прерывностей. Прочитываемый в этой рамке, ибанский режим управления мог возникнуть «по поводу» разнородной управленческой конфигурации, не совпадающей с географическими и хронологическими границами СССР. Поэтому дальнейшее исследование ранних работ Зиновьева в постфукианской рамке может внести вклад в историческую онтологию нас самих, в наше понимание того, как нами сегодня управляют и как мы управляем собой. «Зияющие высоты» могут оказаться документом не только советского прошлого, но и нашего настоящего.

Ремонтировать провал: активное и пассивное отрицание

Описания техник управления разбросаны по тексту романа и, разумеется, не изложены систематически. При этой первичной реконструкции ибанской правительности я буду отчасти использовать статью норвежского социолога и политического философа Юна Эльстера «Активное и пассивное отрицание: эссе об ибанской социологии»²⁶, в основном опирающуюся на «Зияющие высоты». Это позволит учесть вклад логики в художественный мир романа. В прочтении Эльстера Зиновьев — прежде всего логик, занимающийся прикладной философией: он использовал свою логическую подготовку и чувствительность, чтобы выявить логические «вывихи» в советских социально-политических порядках и сконструировать на их основе антиутопию Ибанска. Впрочем, Эльстер удерживал во внимание зазор между советской действи-

24. Там же. С. 11. Курсив мой. — А. П.

25. Там же. С. 12.

26. *Elster J.* Op. cit.

тельностью и художественными текстами Зиновьева, которые тогда были «(привилегированным) источником гипотез [о советской действительности], а не набором твердых выводов»²⁷.

Впервые тезисы этой статьи были представлены Эльстером в качестве доклада на Девятом мировом конгрессе по политическим наукам, прошедшем в Москве в 1979 году. Текст был издан на французском в 1980 году в журнале *Archives Européennes de Sociologie*²⁸. Чуть позднее, в 1983 году, он был издан на немецком в сборнике «Изобретенная реальность: как мы знаем то, что, мы убеждены, мы знаем (о конструктивизме)»²⁹, а в 1984 году — в его английском издании, которое я и использую. Примечательно, что этот сборник под редакцией известного психолога Пауля Вацлавика стал одной из точек отсчета радикального конструктивизма как проекта. Помимо Вацлавика и Эльстера среди его авторов такие ученые как Эрнст фон Глазерсфельд, Франциско Варела и Хайнц фон Фёрстер. Другие статьи сборника посвящены самосбывающимся пророчествам, порочному кругу, саморефлексивности и, конечно, основаниям конструктивизма. Наконец, в 1988 году статью включили в сборник под редакцией Филипа Хэнсона и Майкла Кирквуда, посвященный Зиновьеву.

По Эльстеру, специфика ибанского общества обусловлена замкнутыми, самореферентными структурами, подобными змее, кусающей себя за хвост, гонящейся за собственной тень собакой или надписи «Это высказывание ложно». Пример такой структуры Зиновьев дает уже в начале романа. Жители Ибанска живут, осуществляя «исторические мероприятия», даже если не знают об этом и в них не участвуют, «цель мероприятия — обнаружить тех, кто не одобряет его проведения, и принять меры (9). Что делать в рамках мероприятия — не ясно, поэтому любое действие или бездействие может быть оценено как неодобрение. Подобный способ формировать поведение, создавая ситуацию неопределенности и предоставляя абсурдный выбор, — характерная черта ибанского управления.

В прочтении Эльстера инструментом зиновьевского анализа советской действительности выступает различие активно-

27. Ibid. P. 175.

28. *Idem*. Négation active et négation passive Essai de sociologie ivanienne // *Archives Européennes de Sociologie*. 1980. Vol. 21. № 2. P. 329–349.

29. *Idem*. Aktive und passive Negation. Essay zur ibanskischen Soziologie // *Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? Beiträge zum Konstruktivismus* / P. Watzlawick (Hg.). München: Piper, 1983. S. 163–191.

го и пассивного отрицаний³⁰, а ядром иррациональности ибанского режима — их смешение. Пассивное отрицание — это привычное отрицание из классической двузначной логики. Если есть высказывание

(1) X считает, что p,

то его пассивным отрицанием будет

(2) Неверно, что X считает, что p $\Leftrightarrow$ не-(X считает, что p).

Активное отрицание имеет форму:

(3) X убежден в том, что противоположно p $\Leftrightarrow$ X считает, что не-p.

Различие этих отрицаний можно сформулировать и на языке модальной логики, заменив «X считает, что» на «необходимо, что», «возможно, что», «X знает, что p», «X верит, что p», «X желает сделать p» и т. д. (В последнем случае различие отрицаний выглядит как отсутствие желания делать p и желание не делать p.)

К примеру, пишет Эльстер, пассивному отрицанию соответствует агностицизм (неверно, что X считает, что Бог существует), активному — атеизм (X убежден, что неверно, что Бог существует). Другой пример он берет из исследования Поля Вена: не было веривших в божественность римского императора, но были христиане, не верившие в нее, поэтому его божественность существовала только как предмет активного отрицания христианами³¹. Знаменитый ремонт провала — нечто, близкое к этому типу отрицания.

Активное отрицание часто встречается в повседневности, особенно в Ибанске. Как именно оно проявляется?

Во-первых, высказывание (1) и его пассивное отрицание (2) могут быть подставлены в классические законы противоречия и исключенного третьего. Однако если вместо пассивного отрицания используют активное, то эти законы перестают действовать. Закон исключенного третьего, к примеру, превращается в:

$(X \text{ считает, что } p) \vee (X \text{ считает, что не-}p)$.

По Эльстеру, мы попадаем в ситуацию, в которой невозможно иметь два противоречащих друг другу высказывания, ничто ничему не противоречит. Эта совозможность всего, как будет ясно далее, составляет ядро ибанской субъективности.

30. Зиновьев разрабатывал его в своих логических работах, только называл иначе — внутреннее и внешнее отрицания.

31. *Elster J. Active and Passive Negation*. P. 178–179.

Во-вторых, сопряженный с активным отрицанием парадокс состоит в том, что в желании или сознании отсутствия предмета этот предмет отрицается, но одновременно утверждается как интенциональный объект³². Так, по Гегелю,

... вожеление и достигнутая в его удовлетворении достоверность себя самого обусловлены предметом, ибо она есть благодаря снятию этого другого; чтобы это снятие могло состояться, должно быть это другое. Самосознание, следовательно, не в состоянии снять предмет своим негативным отношением; поэтому, напротив, оно вновь его порождает, точно так же, как и вожеление³³.

Самосознание требует уничтожения внешнего объекта, но в самом своем существовании зависит от него, поэтому не может непротиворечиво желать его устранения. Активное отрицание делает вклад в существование отрицаемого.

В случае ибанской власти это ярко проявляется в ее отношении к диссидентам, оппозиции и вообще всему нежелательному. Она сталкивается с дилеммой. Замалчивать (пассивно отрицать) нельзя, так как все всё знают. Осуждать — значит активно отрицать нежелательное, то есть, утверждать и признавать (503), что само по себе нежелательно для власти и желательно для диссидентов как форма признания. В качестве решения дилеммы ибанская правительственность изобрела «активное безразличие». Такое безразличие

... может быть отчетливым или неясным, ярко выраженным или расплывчатым, демонстративным или само собой разумеющимся. Его даже можно измерять по степени. <...> Суть дела — исказить оценки, переориентировать внимание на пустяки, на незначительное. <...> Это касается всех важных сторон нашей жизни (503).

Сам по себе прием не работает именно в силу парадокса активного отрицания, но срабатывает, когда замалчивание делегируется управляемым, о чем пойдет речь в разделе о техниках управления.

Одновременно этот парадокс — условие существования режима и основная процедура его установления. «Если полный изм и будет построен, сказал Крикун, то только благодаря тому, что он имел противников» (395). В свою очередь, разоблачение ибанского режима только укрепляет его (198) (поэтому, чтобы нанести удар, надо наоборот «выступить в качестве человека, укрепля-

32. Ibid. P. 183.

33. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 96.

ющего» его (118)). По той же причине жители Ибанска — продукт ибанской власти, даже когда сопротивляются ей (514), что осложняет возможность контрповедения.

Важное для анализа ибанской правительности развитие проблемы активного отрицания связано с ситуациями противоречивых требований (*contradictory injunctions*), заключающих в себе *прагматическое противоречие*, при котором содержание высказывания противоречит условиям успешности его выражения или исполнения, или же факту, который оно само создает³⁴. Например, «Не будьте послушными», «Будьте спонтанными», «Будьте естественными», «Не вздумайте думать об X», «Забудьте X». В этих случаях требуется достичь состояний, которые не могут быть результатом сознательного усилия или действия, а могут быть только случайными побочными продуктами. Подобные требования предполагают *акты, направленные на отсутствие X*, и укладываются в формулу активного отрицания. Пассивному же отрицанию соответствовали бы забвение или безразличие, то есть *отсутствие актов, направленных на X*. В силу этого, к примеру, носители ибанской власти не способны измениться.

Они не могут не насиловать, если бы даже вдруг захотели перестать быть насильниками, ибо свое нежелание насиловать они могут реализовать только в форме насилия, изменив лишь форму и сферу приложения функции насилия (395).

В дальнейшем этот вид противоречия проявится в связи с неэффективностью власти.

В-третьих, к этому смещению, по Эльстеру, близки еще две ошибки, часто встречающиеся в рассуждениях людей³⁵. Первая — ошибка в отрицании конъюнкции высказываний, при которой в результате получается не дизъюнкция, а конъюнкция их отрицаний: не-(a & b & c) ⇔ не-a & не-b & не-c. В чем это проявляется на практике? Например, любую конъюнкцию утверждений, будь то политическая позиция или теория, можно принять или отвергнуть только целиком, поскольку конъюнкция на месте дизъюнкции не позволяет дифференцировать утверждения. Скажем, есть только один единый ибанский патриотизм, не может быть никакого ранжира, множества патриотизмов, и между двумя

34. Elster J. Active and Passive Negation. P. 184–185. Более подробный анализ таких ситуаций см.: Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. С. 82–95.

35. Elster J. Active and Passive Negation. P. 179–181.

патриотами не может быть никакого несовпадения мнений, любое согласие — согласие по всем пунктам без исключений.

Вторая ошибка, близкая к неразличению активного и пассивного отрицания, по Эльстеру, связана с высказываниями вроде расселовского «Король Франции лыс»³⁶. Допущение о существовании короля Франции ложно, поэтому вопрос «Лыс ли король Франции?» является ловушкой: дилемма «лыс или не лыс» ложна. Это ловушка, сходная со знаменитым вопросом Карлсона, поставившим в тупик фрекен Бок: «Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай — да или нет?» Пассивное отрицание исходного высказывания является отрицанием в том числе базового допущения. Активное же отрицание попадает в ловушку: «Король Франции не лыс». Ибанское управление склонно не только попадать в такие манипулятивные ловушки, но использовать в манипуляциях и навязывать с их помощью вину.

Далее я обсужу три базовых диспозиции ибанской власти по Эльстеру³⁷, затем перейду к обсуждению конкретных техник управления. Эти диспозиции (Эльстер несколько поспешно называет их «законами») не являются причиной или объяснением частных техник управления, они сами зачастую обусловлены этими техниками и, по Зиновьеву, социальностью, но позволяют лучше понять стиль управленческих действий.

Непостижимая эффективность ибанского управления

Согласно *первой диспозиции*, действия власти редко ведут к запланированным результатам. «Любые решения руководства по поводу некоторой проблемы имеют один и тот же результат. Например, решение сократить штаты с таким же успехом ведет к их увеличению, как и решение их увеличить» (106). Власть неэффективна не смотря на то, что все до мелочей просчитываемо и контролируемо.

Даже сравнительно небольшие по идее управляемые системы становятся фактически неуправляемыми. Они управляемы лишь с точки зрения официальных отчетов (204).

Любая минимальная реформа, если она позитивна, будет провалена (330). Поэтому последствия действий — одна из самых запретных тем в Ибанске (107).

36. Ibid. P. 180–181.

37. Ibid. P. 200–202.

Ибанская власть

... всесильна негативно, то есть по возможностям безнаказанно делать зло. Она бессильна позитивно, то есть по возможностям безвозмездно делать добро. Она имеет огромную разрушительную и ничтожную созидательную силу (330).

Позитивный результат возможен, но, как и в случае с противоречивыми требованиями вроде «Будьте естественными», он достижим только случайным образом как побочный — «перестраивает лишь тот, кто заранее не собирался это делать» (135). При постоянной смене руководителей и их обещаний (330) первая диспозиция принимает форму первого порочного круга ибанского управления:

... ненадежность обещаний властей становится привычной формой государственной жизни. Властям в глубине души никто не верит. Не верят и они сами. И принимая решения, это предполагают априори (331).

Неэффективность власти — самоподдерживающаяся ситуация. Разорвать ее порочный круг можно только случайным образом, поскольку в силу первой диспозиции требование к действию власти «Быть эффективным» заключает в себе прагматическое противоречие.

Первая диспозиция обусловлена как рядом управленческих техник, о которых речь пойдет далее, от культивации «посредственных» субъектов среди управляющих и управляемых до подмены знания об обществе доносами, так и господством социальных законов, замыкающих управляющих и управляемых в кругу личных интересов (вероятно, именно это сам Зиновьев считал первопричиной). Управление обществом не является основной целью ибанской власти. Ею является самосохранение, а цель руководителей — сделать карьеру и сохранить пост в своих интересах. Здесь «общество есть лишь питательная среда и арена спектакля власти» (399). В конечном счете, если результата не достичь, его можно симитировать: дело подменяется имитацией дела.

Имитационные формы деятельности настолько удобны для людей и жизнеспособны в наших условиях, что вся наша жизнь принимает характер имитации цивилизации (216)³⁸.

38. В связи с этим Эпштейн напоминает о гиперреальности Бодрийяра: *Erstein M.* Op. cit. P. 483.

Отсюда засилье демагогии, лжи, «очковтирательства» и видимости, поэтому оказывается, что

...ибанское общество является самым наилучшим со всех точек зрения. Это общеизвестно. Каждому гражданину об этом твердят ежеминутно в течение всей его жизни (338, см. также 302).

С этим коррелирует аксиома ибанского управления «все посты безответственны» (29). Безответственность и безнаказанность становятся «системой» (107), механизмами управления и субъективации. Достаточно лишь видимость результата, точнее — возможность отчитаться за прошедшее время, ведь проверка и оценка результатов производится лицами, участвующими в имитации, связанными с нею и заинтересованными в ее сохранении.

Поэтому методы решения проблем властью нацелены на минимизацию усилий и контакта с реальностью, на сохранение неуязвимости управляющих. В одном случае решение подбирается исходя из его соответствия идеологии, например, «правильное социальное решение экономически неразрешимой задачи» (450), ведь «нет ни одной общественной проблемы, которую нельзя было бы решить с помощью ибанизма» (409). В другом случае поиск эффективных решений реальных проблем подменяется поиском проблем, которые соответствуют имеющимся или желанным решениям. Так, чтобы сократить процент нераскрытых преступлений, необходимо большое количество выдуманных и раскрытых преступлений, за которые будут наказаны неизбежно невиновные (но всегда потенциально виновные в глазах власти) люди.

Настоящие преступники всегда ловко ускользают от возмездия, а наказываемые как правило невиновны ни в чем, и подвергаются наказанию только потому, что не могут от него уклониться (553).

В третьем случае важная проблема признается гносеологически трудной, для ее решения создается «группа решателей высокого ранга» и считается, что решение должно быть адекватно рангу группы. В результате в силу социальности власти простые и эффективные решения в Ибанске невозможны (388). Зато обычны, например, противоречивые вроде «установки повысить руководящую роль руководящих кадров и активизировать инициативу снизу» (123).

Место реальности отчасти занимает негативность. Часть ибанской правительности — управление пока не сбывшимся, то есть,

поведением, которое не случилось, но могло бы случиться. Власть более склонна к предотвращению и противодействию в их абсурдном исполнении, то есть, склонна управлять небытием, тем, чего (еще) нет, а не тем, что есть. Например, не раскрывать преступления, а создавать «впечатление, что таковые не останутся нераскрытыми, если произойдут» (51), а в пределе — попросту устранять «преступников еще до того, как они успевают совершить преступление» (553), ведь серьезнее преступления только возможность и угроза преступления (117). Аналогично поступают, например, в отношении спекуляций: чтобы прекратить их, перестают выпускать то, что является предметом спекуляции (543). Другая обширная область такого небытия, подлежащего управлению, — действия не обязательно существующих врагов, предателей, вредителей, угрожающих безопасности и процветанию Ибанска. Производство такого несбывшегося и управление им — одна из основ режима, хотя и двусмысленная, поскольку имеет форму активного отрицания.

Согласно *второй диспозиции* ибанской власти,

... все успехи, достигнутые каким-то образом данным обществом (общественной группой), считаются успехами, достигнутыми благодаря мудрости руководства. Причем не играет никакой роли степень и характер участия руководства в достижении этих результатов. Если даже они получены вопреки воле руководства, они все равно в силу приведенного закона рассматриваются как успехи этого руководства. Успехи, достигнутые при данном руководстве, суть успехи этого руководства (107).

Обратной стороной первой и второй диспозиций является инфляция языковой стороны управления, из-за которой «полный изм будет не построен, а объявлен» (395), а «реальную силу имеет только то, что официально входит в протокол» (400). «Мы живем в цивилизации. Из нее вырваться невозможно. Здесь все в языке и через язык» (268). В результате границей того, что находится в ведении власти, оказывается граница ее языка. Иллюзия того, что все, что угодно, —

... продукт деятельности власти, создается потому, что здесь формально обо всем принимаются решения, составляются планы, издаются распоряжения, делаются отчеты. На самом деле здесь имеет место лишь формальное наложение, а не отношение причины и следствий. Существование самодовлеющей власти облекается здесь в форму руководства всем. Даже погодой. Даже биологической природой человека (330).

Разумеется, столь обширная сфера компетенции порождает и соответствующее количество провалов от стихийных бедствий до ошибок самой власти. Как нести за них ответственность? Для этого есть *третья диспозиция*, согласно которой

... ответственность за все отрицательные последствия хозяйничанья руководства несет не руководство, а те лица, слои, организации, которых руководство сочтет подходящими для возложения на них вины за эти последствия. Оно имеет возможность это делать и делает. Руководство не делает ошибок. Обычно виновные легко находятся. Но бывают случаи, когда найти подходящих виновных трудно, и тогда их изобретают (107–108).

В конечном счете, резюмирует Эльстер, ибанский режим управления ставит себе в заслугу все хорошее, то есть, то, на что он в принципе не способен, и открещивается от всего плохого, что способен сотворить только он.

Зиновьев доводит эту логику управления до предела так, что в ибанской действительности место причинности занимает *виновность*.

С точки зрения науки, <...> следует говорить о *причинах* тех или иных явлений. С точки зрения же официального сознания такая постановка проблемы неприемлема. Для него встает вопрос о том, что *повинно* в таком-то положении дел. А так как для официального сознания вина должна быть персонифицирована, ибо винить можно только сознательные существа, а не мертвую природу и бессловесных тварей, то проблема для него встает в еще более четкой форме: кто виноват в этом положении дел. С точки зрения официального сознания даже за стихийные бедствия (за землетрясения, засухи, наводнения) несут ответственность определенные лица (69; курсив мой. — А. П.).

Жители Ибанска всегда уже помещены в ситуацию, в которой любое событие — либо заслуга власти, либо вина кого-то, объявленного властью врагом, вредителем или преступником. Потенциально каждый виновен в чем угодно, поэтому в итоге субъективно в конкретных вещах не виновен никто. Инфляция вины вкупе с засильем имитации среди управляющих и управляемых ведет к тому, что идея реальной ответственности и конкретной вины здесь не работает: вина из разряда антропологических и этических категорий (антисоциальных, разумеется) переходит в разряд категорий управления, если не риторики о враге. Точно так же отсутствует и институт репутации, поскольку, если продол-

жить логику мысли Зиновьева, он антисоциален, ведь ориентирован на общее и требует морального усилия. Невозможность адекватной оценки в ибанском обществе, культивация неморальности и имитация делают репутацию такой же излишней, как дело.

Потенциальную виновность каждого поддерживает практика создания ложных возможностей. Ибанское управление структурирует поле возможностей, в том числе насыщая его как минами ложными возможностями действия. Поэтому риск становится неотъемлемой частью поведения ибанцев, вынужденных пускаться в самые изощренные толкования действий и высказываний руководителей, чтобы предугадать, какая возможность обернется наказанием. Систематически эта ситуация производится благодаря созданию искусственных ситуаций *неопределенности*, выступающему универсальным принципом структурирования поля возможностей индивидов и одновременно самосохранения власти (76). Так, правовая неопределенность может рассматриваться как самостоятельная техника управления. Она задается неразличением «отсутствия нормы и наличие нормы-отрицания», то есть, по Эльстеру, пассивного и активного отрицания³⁹. Если нечто не запрещено, это не значит, что оно разрешено, и наоборот, если нет разрешения, это не значит, что есть запрет (419). Эта неопределенность поддерживает «ручное» управление на всех уровнях, решения принимаются исходя из духа, то есть, произвола, а не буквы закона. Управляемые и сами управляющие никогда не знают всех правил игры и практически любое действие может повлечь наказание. Это сковывает их деятельность, заставляя иметь в виду потенциальное наказание, и поддерживает *status quo*. Власть ставит индивидов в ситуацию абсурдного, противоречивого выбора. При этом лозунгом ибанского управления может служить надпись над входом в кремационную камеру: «ПОМНИ! К ЭТОМУ ТЕБЯ НИКТО И НИЧТО НЕ ПРИНУЖДАЕТ!» (560).

Техники ибанского управления

Донос, собрание и замалчивание в качестве техник управления и форм делегированного надзора, управления и подавления представляют собой антиутопические вариации на тему сокращения избыточности управления и вмешательства⁴⁰. В ибанской дей-

39. *Elster J.* Active and Passive Negation. P. 191.

40. Как отмечает Бикбов по поводу позднесоветской правительности, попытки уйти от избыточности управления выражались в отборе наибо-

ствительности это форма признания властью автономии внутренних процессов и законов общества (социальных законов, согласно объяснительной схеме Зиновьева), которые, таким образом, используются в управлении, сокращая вмешательство и принуждение (264–265).

1. В условиях систематического недостижения результатов и, следовательно, провала обратной связи от реальности контакт управления с последней хаотичен и проблематичен. Невозможность проверить управленческие гипотезы коррелирует с трансформацией эпистемической работы власти. «Ибанская система власти не исполняет функций интеллекта общества. Эти функции ей чужды» (399).

Систематическое научное знание об обществе теряет здесь свое значение. Отказываясь от него, власть «поступает инстинктивно правильно, раздувая нудные пустяки, замалчивая важные события, переосмысливая для нас с вами все на свете» (21). Ибанская власть исключает научный взгляд на свое общество (330), а слова о том, что она «управляет научно», могут быть только иронией (205), ведь, согласно схеме Зиновьева, социальна именно антинаучность, а научность антисоциальна (143). При этом власть не допускает к познанию общества никого и «рассматривает своеволие лиц, которые без ее ведома начинают размышлять об обществе, о его законах, о системе управления, о состоянии хозяйства, права, печати, искусства и т. д., как незаконное вторжение не в свое дело», хотя при этом, как заведено, ничего юридически не запрещает (108).

Место знания занимает *донос*. Практика доносительства в Ибанске массова, рутинна и естественна — индивиды занимаются этим добровольно в силу социальности, преследуя личные цели. Власть только поощряет и использует эту склонность. Сложилась догосударственная «система взаимного доноса, вырастающая из социальных основ общества как норма и привычная форма его бытия» (342). Власть неформально наделяет управляемых возможностью брать на себя выполнение государственной задачи наблюдения и контроля и поощряет такое поведение. «Если в обществе начинают искать подлинную правду, то это может означать только одно: призыв писать доносы» (75).

лее экономных технологий управления, техник управления на расстоянии, чтобы возможно было «малым воздействием направлять поведение большинства так, чтобы оно само двигалось в нужном направлении» (Бикбов А. За порогом новой эры правления. С. 18).

Руководство доверяет не безличной официальной информации (о фактах, количествах), претендующей на объективность и адресованной управляющим органам (знать, чтобы исправить, улучшить, сохранить), а доносу как персонифицированной информации (о делах, словах, мыслях, якобы вредоносных или оппозиционных), адресованной карательным органам (знать, чтобы пресечь, наказать, уничтожить). Донос играет здесь роль *обратной связи* (73–74).

В схеме Зиновьева практика доносов препятствует развитию антисоциальности, поскольку «человек просвечивается насквозь по всем направлениям так, чтобы в нем не было тайны. И человек приучается не иметь тайны и избегать ее. А человек без тайны есть социальная штучка, и не более. Пустышка. Голая форма для функции» (342).

2. Ибанское управление упорядочивает индивидов при помощи «дифференцированной и структурированной системы» оценки актуальных и возможных действий.

Недостатки, например, разделяются на недосмотры, просмотры, упущения, недоделки, просчеты, недоработки, промахи, ошибки, грубые ошибки, грубейшие ошибки, непростительные ошибки, провалы и т. п. Достоинства разделяются на сдвиги, подъемы, оживления, достижения, успехи, некоторые успехи, заметные успехи, серьезные успехи, крупные достижения и т. п. Вы не обратили внимания, на заседании, где мы с Вами были, к различным лицам применялись выражения Известный, Видный, Крупный, Популярный, Выдающийся и т. п. Это — не литературные вариации. Это — та же самая иерархия оценок (431).

Инструментом оценивания и основным средством ибанского управления индивидами является *собрание*. «Значительную часть времени ибанцы проводят на собраниях» (429). Более того,

... после установления полного изма человечество начнет новый цикл развития, который завершится превращением всего общества в постоянно действующее собрание (429).

Собрание дает детальную оценку поведению и деятельности индивидов.

Составление и принятие резолюции есть главная часть собрания. Здесь решается судьба людей... вопрос о формулировках резолюции есть жизненно важный вопрос. Бывает так, что люди часами бьются за изменение формулировки со словом Ошиб-

ка на формулировку со словом Упущение. Со стороны посмотреть — комедия. А на самом деле — драма. Пройдет первая формулировка — лет на пять для человека закрыты все пути карьеры. Пройдет вторая — от силы на год. А то и так обойдется (431).

3. Другая техника ибанского управления основана на неопределенности как принципе управления. Ее можно назвать *делегированным замалчиванием*. С помощью упомянутого выше «активного безразличия» власть маркирует нежелательного индивида, создавая вокруг него ауру неопределенности, «на грани полупризнания и полузажима» (233). Предоставляя остальным свободу действовать, власть одновременно косвенно сообщает им, какие действия желательны для нее в отношении этого индивида. Всю дальнейшую работу по его маргинализации добровольно исполняет это ближайшее окружение, защищаясь «от последствий [его] существования» (232). Так, в романе друзья талантливого художника ЭН, которым была недовольна власть, сами ограничили развитие ЭН путем замалчивания, отказывая ему в выставках, публикациях о нем и адекватной оценке, хотя официального запрета и «установки» не было. Зиновьев также объясняет это действием социальности, которое власть только использует, а не производит. «Именно коллеги и друзья... суть реальная цензура и предржащая власть» (232).

Это явление может быть пояснено комментарием Олега Хархордина к схожему моменту в другой работе Зиновьева «Коммунизм как реальность»⁴¹. Хархордин обращается к понятию «коллективного непризнания» Пьера Бурдьё. Режим поддерживается коллективным непризнанием индивидами объективных условий своего существования, каковыми в случае зиновьевского мира, по-видимому, являются социальные законы, усиленные режимом, а также отказ сопротивляться им. Это непризнание работает только если его практикуют все индивиды, а для этого требуется взаимный контроль, надзор и цензура. За минимальное покушение на общепринятые для группы верования, даже если в душе в них никто не верит, следует наказание. Активное замалчивание властью как маркер инаковости индивида и нарушения им консенсуса запускает этот механизм.

С этим пояснением хорошо рифмуется то, что представляет собой с точки зрения Зиновьева идеология как инструмент

41. Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: ЕУСПб, 2016. С. 432.

управления. Она естественным образом порождается обществом, и ни власть, ни жители при желании не способны изменить ее. Даже ее рождение им неподконтрольно, она появляется спонтанно и сразу вся (подобно языку при научении), «сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем» (197–198). Как отмечает Эпштейн, она оказывается здесь «самой реальной вещью из всех»⁴². Однако идеология никак не влияет на поведение, она — «лишь средство в поведении людей. Средство карьеры, средство закрепощения, ограничения, обольщивания и т. п. Она не становится *внутренним* состоянием человека, определяющим его поступки» (428).

Для социальных механизмов важен сам факт существования какой-то идеологии, ее формальное функционирование, а не ее содержание (197).

Последнее подчинено историческим обстоятельствам, но идеология как социальная функция не имеет истории. Она не может быть ни истинной, ни ложной, и строго говоря состоит не из знаков, а из квазизнаков, это «языковое образование лишь с точки зрения использования вещества языка» (164). Словом, это прежде всего не верование или ложное сознание, а *инструмент* организации своего и чужого поведения. В более поздней работе «Коммунизм как реальность» (1980) Зиновьев пишет о практической идеологии как «совокупности специальных правил и поведенческих навыков, которые люди применяют в действительно важных ситуациях»⁴³.

Ибанская субъективация

Функционирование ибанского управления предполагает производство специфических субъектов, адаптированных к нему. Во-первых, они пластичны. Поскольку эта власть — продукт социальности, то на всех уровнях, в управляющих и в управляе-

42. Epstein M. Op. cit. P. 484.

43. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. Ср.: «Даже если многие и разуверились в коммунистических идеалах к концу 1960-х годов, они все также продолжали участвовать в механизме взаимоналагаемых ограничений, от которого страдал каждый индивид, но который он сам не устал применять для контроля поведения других. Прорыв подобных механизмов представляется почти невозможным, так как в них энергично участвуют все» (*Хархордин О.* Указ. соч. С. 432).

мых, она культивирует «посредственностей», то есть индивидов, лишенных выраженных положительных и негативных черт (71). Чтобы добиться успеха здесь, быть социально приемлемым, индивид должен не иметь внутренней структуры и качеств, быть никаким и ничем, поступать как угодно, высказывать взаимоисключающие мнения. Словом, не сопротивляться социальности. По Эльстеру, эта модель основана на пассивном отрицании рационального и морального человека, например, индивид не морален и не аморален (активное отрицание морали), а неморален⁴⁴.

Моральными Зиновьев называет поступки исходя из непричинения зла и причинения добра другим, предполагающие внутреннее усилие. Неморальность в отличие от аморальности означает, что в Ибанске «мораль сама есть лишь способ поведения» (540), не затрагивающий внутреннее состояние. Массовая неморальность порождает в этом обществе «массовую безответственность за личные преступления» (29), а также затрудняет управление, поскольку «неморальное общество впустую тратит огромную энергию именно из-за отсутствия достаточно высокого уровня моральности» (540–541). Такая «внешняя» субъективация порождает фундаментальный для ибанского общества раскол на официальное, публичное поведение и непубличные, внутренние убеждения.

Во-вторых, субъектность здесь задается устранением от ответственности или ее имитацией (101–102). Тот, кто попытается взять на себя ответственность или начать делать дело, будет наказан за нарушение консенсуса — как солдат, наказанный за рапорт об отправке на фронт (45). В романе «Светлое будущее» Зиновьев формулирует это так:

Чем лучше вы будете делать свой труд, тем хуже для вас. А если сделаете плохо, вас тем более сомнут, ибо плохо делать они могут лучше вас⁴⁵.

Пытающийся делать что-либо по-настоящему, содержательно и не в режиме отписки, оказывается здесь опасным возмутителем спокойствия. Основная способность таких пластичных субъектов — мешать более одаренным и ослаблять их позиции (101). Тотальное господство и поощрение имитации, разумеется, уходят корнями в социальность (в противовес «делу» как проявлению антисоциальности, требующему усилия). Субъект должен на-

44. Elster J. Active and Passive Negation. P. 189.

45. Зиновьев А. Светлое будущее. Lausanne: L'Age d'Homme, 1978. С. 83.

учиться создавать кажимость деятельности и результата, поэтому лишается борьбы с обстоятельствами и материальностью любого дела как источника развития внутренней структуры. Как уже говорилось выше, ибанец не знает, что такое реальная ответственность и вина, поэтому без моральной заминки способен на любые действия.

Одним из способов такой субъективации является культивация забвения прошлого и блокирования размышлений о будущем как пространстве коллективных возможностей и проектов. Прошлое переписывается властью (285), а единственное будущее — торжество учения «изма». «Мы — мы просто обрубленные люди. Без прошлого. Без будущего. Мы и есть чистое мелькание» (175). Поэтому возможно будущее только личных интересов, а не общих, борьба за что-то иное заранее бесполезна. Для перемен в масштабе общества нет места, ведь будущее, с точки зрения таких цинических субъектов, ничего не исправит.

Власть поощряет следование этой модели, продвигая соответствующих индивидов, и игнорирует или преследует тех, кто проявляет выраженные способности и таланты, положительные или отрицательные (77). Зиновьев прослеживает влияние поощрения такой модели субъекта в научном и художественном производстве, в кадровой политике руководства.

Эта ситуация порождает второй порочный круг ибанского управления, поскольку такой тип субъекта, становясь массовым,

... оказывает обратное влияние на вид техники, организацию дела, искусство и прочие сферы общественной жизни, поддерживая тенденцию к развитию более грубых отраслей производства, более примитивных форм организации труда, деперсонифицированных форм искусства, лишенных социального содержания, что опять-таки устраивает большинство. Круг замыкается (116).

Неэффективность ибанской власти и «посредственность» ее субъектов — две самоподдерживающиеся ситуации с положительной обратной связью — взаимно усиливают друг друга. Сложно ждать качественного управления и вообще деятельности от культивируемых «посредственностей», одновременно личный цинизм индивидов подпитывается структурной ситуацией бесполезности перемен в силу неэффективности и злокозненности власти.

В этом циническом обществе

... воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество такого типа обречено на застой и на хроническое гниение,

если оно не найдет в себе сил, способных противостоять этой тенденции (40, см. также 101).

Это ожидание худшего помещает людей в ловушку активного отрицания, ведь если они попытаются избежать худшего, предпринимаемая предупредительные меры, то тем самым будут способствовать его осуществлению и дальнейшему ухудшению.

Контрповедение

Зиновьев, как и Фуко, размышлял об ограниченности понятия диссидентства и помимо прочего считал, что оно скомпрометировано парадоксом лежащего в его основе активного отрицания. В качестве альтернативы диссидентству Фуко, исследуя средневековые религиозные противостояния, разработал понятие *контрповедения* как сопротивления процедурам пастьерского ведения, направления повседневной жизни людей властью⁴⁶.

Какое контрповедение, в свою очередь, возможно в ибанском обществе? Можно предположить, что в объяснительной схеме Зиновьева возможность контрповедения заложена в противоречии между «естественным» социальным состоянием и антисоциальными усилиями, необходимыми для его преодоления. Ибанцы могут преодолеть «естественную» склонность к социальности и измениться, то есть, «зоной роста» альтернативы Ибанску является антропологическое изменение, а не, скажем, исправление институтов или каких-либо правил. Сопротивление цинической ибанской действительности — это трудное и почти киническое усилие вести себя антисоциально, предполагающее отказ от личной выгоды и интересов, своей социальности, безразличия, неморальности ради этического действия в горизонте истины, общего интереса, личной и коллективной ответственности. Усилию Зиновьев придавал особое значение — оно было важно и в экзистенциальном, и в историческом планах.

Чтобы стать личностью, человек должен иметь поражающий воображение образец во вне, безотчетное желание стать похожим на него, преодолеть страх и совершить действие, объявляющее принадлежность к образцу (140–141).

46. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука. С. 266–281. *Contre-conduite* в русском переводе передается как «антиповодырство».

Предположу, что образец нужен, во-первых, чтобы это усилие не впало в ловушку активного отрицания ибанского порядка, как в нее попадает диссидентство, — подобно тому как для достижения объективности как «волевого отказа от воли» необходимо строгое следование протоколам⁴⁷. Во-вторых, это сопротивление будет продуктивно, только если станет коллективным, поскольку противостоять придется массовости, которая, по Зиновьеву, усиливает действие социальности (398), а, значит, и ибанского режима. Для этого необходим образец. Это пример личности, реализующей этическую установку ответственности, гласности, открытости к интересам и жизни других.

Преодолеть упомянутое выше коллективное непризнание возможно только через коллективное же усилие по изменению себя в рамках «антисоциальной общности людей» (175). Но для этого необходимо самопознание.

Мы должны себя делать по каким-то образцам, совершая над собой усилие. А чтобы люди в массовых масштабах (а не одиночки) занялись этим, нужно обнажить, кто они есть на самом деле. Люди должны перед кем-то посторонним устыдиться своей грязи и принять меры к тому, чтобы ее не было. А пока мы ее прячем (278).

Контрповедение в Ибанске помимо этического требует эпистемического усилия: преодолеть господство «официального» описания действительности над «реальным» (105) и тотальный взаимообман как наиболее выгодное социальное поведение (22), чтобы узнать социальные законы как объективные условия своего существования и существования режима. Поэтому коллективное перевоспитание себя невозможно без трудного коллективного самопознания. Только «поставленные [проблемы] рожают будущее» (128). Для этого «любой ценой» нужна гласность, которая является больным местом ибанского общества, вызывающим панический страх. Зиновьев настаивает: «Мир должен знать, что мы такое» (396, см. также 77, 556, 558). Так, в романе большое значение придается «докладу Хряка и Книге Правдеца», прототипами которых в советской действительности были доклад Хрущева на XX съезде КПСС и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Хряк (невольно) и Правдец начали «дело нравственного совершенствования общества» (541)⁴⁸.

47. Галисон П., Дагтон Л. Объективность. М.: НЛО, 2019. Гл. 3–4.

48. Другой такой пример в романе — творчество художника ЭН (или Мазилы), что не удивительно, ведь с началом оттепели искусство стало од-

Зиновьев создавал свой роман в условиях советского общества как инструмент индивидуального и коллективного самопознания индивидов, возможно, способного привести к антропологическим и впоследствии социально-политическим изменениям. Своей задачей он считал развенчание социальных законов — «показать, что нашей общественной жизнью управляют не благородные титаны, а грязные ничтожества» (39) — и демонстрацию необходимости усилия для их преодоления. (Впрочем, в тексте есть намеки, что он хорошо понимал, что сам остается продуктом подобного общества (514).) Вполне возможно, что сегодня «Зияющие высоты», не сводимые к сатире на советское общество, могли бы служить прояснению исторической онтологии нас самих и того, как нами управляют и как мы управляем собой.

Вместо заключения

Дальнейшей возможной задачей исследования ибанской правительности могла бы быть ее контекстуализация и соотнесение с различными элементами позднесоветской и современной российской правительностей. Например, с точки зрения управления наукой и ее места в управлении обществом, возможно, продуктивным было бы сопоставление НИИЧАВО Стругацких и Института из «Зияющих высот» в контексте советского ИТР-дискурса, победы цинического разума и провала идеи прогрессорства⁴⁹. Между соответствующими текстами чуть более десяти лет

ним из основных мест критики настоящего и обсуждения альтернативных проектов будущего. Настоящую опасность для режима, по Зиновьеву, представляет не оппозиция, о которой в романе говорится весьма пренебрежительно, а отдельные личности — независимые «чужеродные вкрапления», не объединенные в социальные группы (264). В том числе чтобы противостоять подобным «образцам», в Ибанске насаждается представление о всеведении власти и полном контроле происходящего: «Органы обо всем знают с самого начала. И если что-то произошло, то, значит, так нужно было. Это допустили с заранее намеченной целью и вовремя пресекали. Иначе было бы хуже» (341).

49. Илья Герасимов анализирует в этом контексте повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу», где и появляется НИИЧАВО (*Герасимов И.* Указ соч.). Метаморфозы цинизма в советском и постсоветском обществе — продуктивный контекст для прочтения работ Зиновьева (см., напр.: *Lipovetsky M.* Charms of Cynical Reason: The Trickster Trope in Soviet and Post-Soviet Culture. Boston: Academic Studies Press, 2011; *Kukulin I.* Cultural Shifts in Russia Since 2010: Messianic Cynicism and Paradigms of Artistic Resistance // *Russian Literature*. 2018. Vol. 96–98. P. 221–254). При этом стоит

(1965, 1976), но, возможно, они с поправкой на время и разницу кругов чтения и общения авторов реагируют на одну и ту же ситуацию, и вклад этой поправки — интригующее неизвестное такого уравнения.

Также может представлять интерес связь ибанского режима с кибернетической правительственностью и непростой историей советской кибернетики⁵⁰. Иронично-скептические отсылки к «релятивистской кибенематике» (108) и неспособности власти к научному управлению вопреки ее притязаниям на это встречаются в тексте «Зияющих высот» достаточно часто. Зиновьев иронизирует над кибернетикой и ее популярностью среди жителей и руководителей Ибанска. Это связано с его скептической оценкой ее возможностей (все предложения ее сторонников в романе анекдотичны) и с тем, что, по его мнению, за реабилитацией кибернетики последовала ее идеологизация и выхолащивание содержания (318, 352–353). В его глазах она — сугубо технократическая дисциплина, способная порождать в том числе бесчеловечные практики. Например, кибернетическая идея обратной связи оказывается обоснованием практики доносов (73–74), а в искусственной неопределенности, которую ибанские власти используют в управлении, легко прочесть инверсию уменьшения неопределенности в кибернетике. Зиновьев был против понимания общества как технической системы. Оно функционирует «как равнодействующая всех сил и в полном соответствии с их социальной природой, а не как реализация некоего кибернетического идеала управления» (205). Возможно, «Зияющие высоты» — это отчасти сатира на советскую версию кибернетической правительственности и технократический утопизм тех лет (а учитывая повсеместные платформы, цифровые трансформации и оптимизации — еще и этих лет).

удерживать во внимании проблематичность и опасность использования холистских и эссенциализирующих категорий, вроде «циническое общество», при обсуждении реальных обществ, поскольку подобные категории требуют по меньшей мере серьезных оговорок.

50. См.: *Кобылин И.* Указ. соч.

Библиография

- Бикбов А. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ИД ВШЭ, 2014.
- Бикбов А. За порогом новой эры правления // Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А. А. Писарева, под ред. С. М. Гавриленко. М.: Издательский дом «Дело», 2016. С. 7–32.
- Бикбов А. Культурная политика неолиберализма // Художественный журнал. 2011. № 83. С. 40–52.
- Бикбов А. Новые культурные институции: эскиз прошедшего будущего // Художественный журнал. 2021. № 117. С. 14–25.
- Будрайтскис И. Мир который придумал Хантингтон и в котором живём все мы. Парадоксы консервативного поворота в России. М.: Циолковский, 2020.
- Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: НЛО, 2019.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
- Герасимов И. День рождения цинического разума // *Ab Imperio*. 2021. № 3.
- Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А. А. Писарева, под ред. С. М. Гавриленко. М.: Издательский дом «Дело», 2016.
- Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Lausanne: L'Age d'Homme, 1976.
- Зиновьев А. А. Логическая социология. М.: Социум, 2002.
- Зиновьев А. А. О «Зияющих высотах» (Выступление по «Радио Свобода») // Он же. Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 21–23.
- Зиновьев А. А. Состояние социальных исследований // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 200–204.
- Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994.
- Зиновьев А. Светлое будущее. Lausanne: L'Age d'Homme, 1978.
- Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité, Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Логос*. 2019. Т. 29. № 2. С. 179–220.
- Кирквуд М. Идеология в произведениях А. А. Зиновьева // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002.
- Кобылин И. «Выжидать и лавировать», или кибернетическая правительственность в консервативном стиле // *Stasis*. 2020. № 2. С. 77–101.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука. С. 266–281.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: ЕУСПб, 2016.
- Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. С. 82–95.
- Elster J. Active and Passive Negation: An Essay in Ibanskan Sociology // *The Invented Reality: How Do We Know What We Believe We Know? (Contributions to Constructivism)* / P. Watzlawick (ed.). N.Y.: W. W. Norton, 1984.

- Elster J. Aktive und passive Negation. Essay zur ibansischen Soziologie // Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? Beiträge zum Konstruktivismus / P. Watzlawick (Hg.). München: Piper, 1983. S. 163–191.
- Elster J. Négation active et négation passive Essai de sociologie ivanienne // Archives Européennes de Sociologie. 1980. Vol. 21. № 2. P. 329–349.
- Epstein M. Postmodernist Thought of the Late Soviet Period: Three Profiles // Studies in East European Thought. 2021. Vol. 73. № 3.
- Hosking G. Moralism Versus Science // Alexander Zinoviev as Writer and Thinker: An Assessment // P. Hanson, M. Kirkwood (eds). Houndmills; L.: The Macmillan Press, 1988. P. 173–178.
- Lipovetsky M. Charms of Cynical Reason: The Trickster Trope in Soviet and Post-Soviet Culture. Boston: Academic Studies Press, 2011.
- Kirkwood M. Alexander Zinoviev: Seer or Scientist? // Ideology in Russian Literature / R. Freeborn, J. Grayson (eds). L.: Palgrave Macmillan, 1990.
- Kukulin I. Cultural Shifts in Russia Since 2010: Messianic Cynicism and Paradigms of Artistic Resistance // Russian Literature. 2018. Vol. 96–98. P. 221–254.

NOT JUST THE SOVIET: ALEXANDER ZINOVIEV'S *YAWNING HEIGHTS*
FROM THE PERSPECTIVE OF GOVERNMENTALITY STUDIES

ALEXANDER PISAREV. Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS),
Moscow, Russia, topisarev@gmail.com.

Keywords: government; governmentality; soviet philosophy; practical philosophy.

Article is devoted to the interpretation of Alexander Zinoviev's early novel *Yawning Heights* in the post-foucauldian optics of governmentality studies. In the center of Zinoviev's social ontology, which is preliminarily reconstructed, there is confrontation between non-moral egoistic social laws (sociality) and antisociality based on the moral effort of individuals to constrain sociality with the help of law, science, religion, art, and other forms. This is a universal explanatory scheme used by Zinoviev to explain the specifics of power and society in the city of Ibansk, where the events of the novel take place. Ibanskian society is a cynical society of the victorious sociality, and Ibanskian regime is its continuation. Hereafter the features of Zinoviev's vision of power are outlined. The essence of Ibanskian regime is in the structure of everyday life, and not in repression as its extreme manifestation. It uses the internal processes of society associated with the action of sociality. This leads to an appeal to the optics of governmentality studies to analyze the functioning of power in the novel. The main features of the approach of governmentality studies and government as the conduct of conducts are revealed. Arguments are given in favor of the thesis that the Iban governmentality is related not only to the Soviet regime, but also to other, past and present societies. In this sense, its study can become a contribution to the historical ontology of ourselves.

Next, Ibanskian governmentality is reconstructed with the help of Jon Elster's study of logical traps at the base of the Ibanskian regime, in particular, the confusion of passive and active negations. The basic dispositions and principles of power, specific governmental techniques, such as delation, meeting and delegated silencing, are written out. The model of the subject produced by Ibanskian governmentality and possible ways to counter-conduct are revealed. Lastly this governmentality is discussed as a reaction to the introduction of cybernetics into government.

DOI: 10.22394/0869-5377-2022-6-53-89